

УДК 398.2
ББК 82.3(2=411.2)

Сказочная традиция Пошехонского края (материалы XIX–XXI вв.)

Варвара Евгеньевна Добровольская

(Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство): Российская Федерация, 139337, г. Москва, Хибинский пр-д, д. 6)

Аннотация. В статье рассматривается специфика сказочной традиции Пошехонского района Ярославской области. Материалы одной локальной традиции, записанные со второй половины XIX в. по начало XXI в., показывают, что в течение рассматриваемого временного периода сюжетный состав сказок менялся. Если на протяжении большей части XX в. в поле зрения собирателей оказывались преимущественно волшебные сказки и анекдоты о пошехонцах, то к настоящему времени преобладают новеллистические сказки и анекдоты по большей части широко распространенных сюжетных типов. В то же время нельзя не отметить наличие редких для всей русской традиции сюжетов, а также популярности у исполнителей авторской импровизации в рамках сказочного канона.

Ключевые слова: сказка, локальная традиция, сказочные сюжеты, сказочники-профессионалы, сказочный канон.

Дата поступления статьи: 9 июня 2025 г.

Дата публикации: 25 сентября 2025 г.

Для цитирования: Добровольская В. Е. Сказочная традиция Пошехонского края (материалы XIX–XXI вв.) // Традиционная культура. 2025. Т. 26. № 3. С. 38–50.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2025.26.3.006>

Ярославские земли были одной из древнейших частей Русского государства. Они были разорены во время монголо-татарского нашествия, позднее вошли в состав Московского княжества, но, даже став частью империи, сохранили свои культурные особенности. Именно эта культурная самобытность, в том числе своеобразная ориентация сельских жителей на городской тип культуры, — это связано с отхожими промыслами, активной торговлей и работой на местных заводах и фабриках — повлияли на специфику

фольклорной локальной традиции [Русские крестьяне 2006]. Народная культура данного региона не могла не привлечь внимание исследователей. Фольклорные материалы Ярославской земли появляются в сборниках А. Н. Афанасьева, П. В. Кириевского, П. В. Шейна, А. И. Соболевского, В. И. Симакова, Е. Н. Елеонской.

Однако фольклор отдельной территории Ярославской земли — Пошехонья — не привлек внимания маститых собирателей. О фольклоре города на Шексне и его окрестностей мы знаем в основном

благодаря местным краеведам. Среди них были и те, кто так или иначе обращался к сказочной традиции региона.

Первым обратился к сказкам Пощехонья поэт и общественный деятель С. Я. Дерунов [Астафьев, Астафьева 1974, 150–158; Комелина 2017, 55–59]. В 1868 г. в «Трудах Ярославского губернского статистического комитета» им были опубликованы пощехонские сказки [Сказки Пощехонского уезда 1868]. Опубликованные тексты не представляют собой аутентичные записи сказок. Но подобные публикации были типичны для того времени. Собиратели в значительной степени старались неким образом унифицировать тексты, сделать их соответствующими представлениям общества о народной сказке. Некоторые ориентировались на свои взгляды о том, как должен рассказывать сказки крестьянин, другие брали за образец лубочные тексты, некоторые лишь слегка редактировали свои записи, были и те, кто практически переписывал текст, создавая, по сути, литературную сказку на основе фольклорного повествования.

С. Я. Дерунов не был в этом случае исключением. Им было опубликовано семь текстов. В примечании редактора к публикации написано: «Сообщены (т. е. присланы. — В. Д.) членом ярославского статистического комитета С. Я. Деруновым» [Там же, 137]. Больше никаких примечаний ни сам Дерунов, ни редактор не оставили. Мы не знаем, были ли эти тексты записаны от одного или от нескольких сказочников, как Савва Яковлевич вторгался в тексты и что подвергалось его редактуре, написаны ли данные тексты самим Деруновым на основании того, что он слышал от других. Но какова бы ни была природа данных текстов, они интересны набором мотивов, которые в них встречаются.

Первая сказка (№ 1) — «Купеческая дочь» — представляет собой максимально полный вариант сюжетного типа СУС 883А «Окlevетанная девушка». Сказочный текст соответствует сюжетной схеме, однако в сказке имеются оригинальные

фрагменты, не встречающиеся в известных вариантах данного сказочного типа. Это прежде всего встреча купца с горьким пьяницей, который оказывается «не простой человек, а колдун» и просит героя «опохмелиться, одолжите пятак» [Там же, 138]. После того как купец дает ему монету, пьяница открывает ему «тайну великану», которая заключается в том, что купец должен поехать торговать «на восточную сторону», в результате чего «большое найдешь счаствие, и слава о тебе пойдет по всей земле-матушке» [Там же]. Именно этот персонаж говорит о том, что сына купец может взять с собой, а дочь оставить дома одну, потому что «она у тебя разумница». В большинстве известных вариантов купец не нуждается в таком указании, поскольку сам в месте с сыном ездит по торговым делам.

Обычно антагонистом девицы является дядя, брат ее отца. Чаще всего сказочники не говорят, что он имеет церковный сан, поскольку прелюбодеяние с близкой родственницей и так приравнивается к греху. В тех вариантах, где отмечается, что этот человек священник, обычно не упоминается, что он родственник девушки; в этом случае грех прелюбодеяния хочет совершить священнослужитель. В варианте Дерунова грех двойной, персонаж не только родственник девушки, но и монах: «Этот самый дядя, брат купца, жил в том же городе в монастыре монахом» [Там же] — и эта принадлежность к монашеству постоянно подчеркивается.

Сказка наполнена множеством деталей. Мы знаем, как зовут купца и его детей: купец Пузанов, его сын Федор и дочь Любовь. Мы видим не свойственные сказке внутренние диалоги героини, которая размышляет, почему «экий-какой дядюшка ласковый» [Там же]. В тексте рассказывается и о том, как дядя-монах создает свою версию событий, разбивая окна в доме племянницы и приписывая это «любовникам-буяням».

Мужем купеческой дочери становится король, что не свойственно русским сказкам, в них обычно действуют цари и царевичи. В большинстве вариантов герояня

не рассказывает мужу о своем прошлом, а в данном случае она открывается ему. В известных вариантах отсутствуют развернутые эпизоды отъезда мужа героини на войну и его возвращения, тоски купеческой дочери о родине и, конечно, подробный рассказ о приставаниях к молодой женщине министра и его рассказе о превращении жены монарха в оборотня. Довольно подробно у Дерунова представлено и раскрытие правды, когда героиня в мужском платье рассказывает всем участникам настоящую историю событий.

В сказке много внутренних диалогов и психологических деталей, которые свойственны более позднему периоду бытования сказок, когда многие сказочники стали ориентироваться на литературную традицию. Поскольку варианты данного сюжета в Пошехонском крае не записывались, мы не можем с уверенностью сказать, относятся ли эти особенности текста к мастерству сказочника, специфике сказочной традиции региона или особенностям творчества самого Дерунова и его представлениям о форме народной сказки.

Если рассмотренный выше текст, несомненно, является сказкой, то другие представляют собой своеобразные миксы мотивов как сказочных, так и мифологических или легендарных. Такое соединение встречается в фольклорной традиции у сказочников-импровизаторов. Если Дерунов работал с таким сказочником, то он мог услышать данные тексты и в живом бытании. Однако мы склоняемся к тому, что остальные тексты данной подборки представляют собой творчество самого С. Я. Дерунова, созданное на основе услышанных им фольклорных текстов, которые позволяют говорить о сказочных мотивах, распространенных на тот момент в регионе.

Второй текст — «Четыре брата» (№ 2) — представляет собой своеобразную вариацию на тему сюжетного типа СУС 759А** «Кого Бог любит, того отмечает». «Умные» братья становятся настоятелем монастыря, купцом и царем, живут в богатстве и славе, а младший занимает-

ся крестьянским трудом и живет в нищете, но после смерти именно он попадает в Рай. Увидев своих братьев в Аду, герой «запечалился», и «светлое место показалось ему темнее прежнего» [Там же, 148]. Подобная реализация мотива «бедняк в Раю» скорее характерна для легенд и притч, чем для сказок. Сострадание же героя «неправедным» персонажам является признаком литературного вмешательства и, скорее всего, принадлежит авторству самого Дерунова, а не фольклорной традиции региона.

Текст «Солдат в кабачке» (№ 3) представляет собой небылицу, построенную по принципу кумулятивной сказки, соединенную с этиологической легендой о том, почему у медведя хвоста нет. Безусловно, данной традиции может быть свойственна и такая контаминация. Но стоит отметить, что этиологические тексты редко включаются внутрь других аутентичных фольклорных текстов, обычно выступают самостоятельно. Их соединение с другими сюжетными типами — большая редкость.

«Марьушка Чудная» (№ 6) близка по сюжету к быличкам о проклятых детях, которые из-за неправильного поведения матери достаются лукашке (нечистому духу) [Киселев 2007, 262–270]. Героиня знает о своей судьбе и призывает «доброго молодца, красоты неописанный», у которого «вместо ноженек рыбий хвост» [Сказки Пошехонского уезда 1868, 154]. Героиня оказывается во власти нечистого духа и навсегда исчезает из мира людей.

Текст «Царевич Ириней» (№ 5) представляет собой своеобразную народную утопию о справедливом царе, любящем народ и не любящем бояр, которые за это его и убивают. Имя персонажа сказки перекликается с именем героя книги В. Ф. Одоевского «Сказки дедушки Иринея», но даже если допустить, что С. Я. Дерунов был знаком с книгой Одоевского, что вполне возможно (последняя была опубликована в 1841 г.), никаких пересечений нам обнаружить не удалось. Имя Ириней в русской традиции относится к так называемым церковным именам и ис-

пользуется в основном в среде монахов и священнослужителей. Выбор подобного имени как для героя сказок Одоевского, так и для сказки Дерунова может быть некой отсылкой на христианское благочестие героев. В сказке Дерунова это проявляется более ярко, герой стремится соответствовать христианским нормам поведения. В книге В. Ф. Одоевского дедушка Ириней — это псевдоним автора. От его лица рассказывают все сказки, но сам он как действующее лицо не появляется. Имя выбрано потому, что тексты проникнуты дидактическими нравоучениями и христианской моралью.

Два текста (№ 4 и 7) на первый взгляд связаны с сюжетом, известным нам как «Золотая рыбка» (СУС 555 «Коток золотой лобок»). Однако в тексте «Жадная старуха» (№ 4) действие развивается скорее в жанре мифологической прозы, чем сказки. И хотя в сказочном указателе сюжетов данный текст вынесен в отдельную разновидность СУС 555* «Алчная старуха»¹, по составу персонажей и особенностям сюжета текст ближе к жанру былички. Жадная старуха обращается к знахарке Шоше с просьбой помочь им со стариком дожить безбедно. Знахарка дает старухе волшебный корешок, который надо бросить в воду у мельничной плотины и, обратившись к водяному, попросить у него «золотого оборотня». Старуха выполняет все требования знахарки и получает золото. Но, будучи жадной, обращается к знахарке во второй и третий раз. Если во второй раз получить золото удается, то на третий таинственная кошка² всыхивает: «ударил гром, разверзлась от вспыхнувшей кошки огненная река и поглотила старуху; старуха не успела и вскрикнуть. В ту же самую ночь у старухи и избушки с золотой казной сгорела, а старик с умазумма спятил» [Сказки Пошехонского уезда 1868, 151–152]. В сказке «Рыбак и чешка»³ (№ 7) чудесная рыбка предлагает

за свое освобождение «камень самоцветный, неоцененный», но рыбак отказывается от этого дара и убивает ее. Перед смертью рыбка произносит магическую формулу, свойственную быличкам о кладах: «на три головы получишь от меня разжиток» [Там же, 155]. Герой богатеет от продажи камня, найденного под сердцем рыбы, но теряет жену и двух сыновей, т. е. те самые три головы, о которых предупреждала героя рыбка.

Все тексты, хотя в большинстве своем они не являются собственно сказками, весьма интересны. В них представлены мотивы, характерные для некоторых жанров несказочной прозы, которые часто используются сказочниками для создания «мира чудесного». Слышал ли С. Я. Дерунов сказки такого типа или это его самостоятельная художественная находка, решить трудно, но в любом случае мы можем говорить о бытования в Пошехонском крае ряда сюжетов мифологической прозы о проклятой девице и кладах, этиологических легенд, своеобразных народных утопий, легенд о пребывании человека на том свете и т. д. Отметим, что данные мотивы не относятся к самым популярным в большинстве регионов России и их знание может свидетельствовать об их популярности именно в Пошехонье.

Большой объем пошехонского материала был собран одним из наиболее активных и ярких корреспондентов Этнографического бюро князя В. Н. Тенешева А. В. Баловым [Комелина 2016, 220–229]. Именно его деятельность повлияла на внимание к ярославскому фольклору и этнографии, особенно к народной культуре Пошехонья. Предметом его работ были народная вера, духовные стихи, снотолкования, свадебные и похоронные обряды, детский фольклор, предания и легенды, материалы по народной медицине, календарной обрядности, лирическим песням и частушкам [Балов 1892, 1;

¹ Текст Дерунова единственный в данной группе.

² Некий мифологический персонаж, который является старухе и помогает ей получить золото в первый и во второй раз.

³ Чешка — народное название чехони, рыбы семейства карповых (*Pelecus cultratus*).

1893, 428–431; 1909, 63–73]. По сведениям Н. Г. Комелиной [Комелина 2016, 229], в материалах, представленных им в Тенишевское бюро, есть и ряд сказок, произведения несказочной прозы, но нам их обнаружить не удалось.

Нельзя не сказать и еще об одном собирателе пошехонского фольклора — Алексее Матвеевиче Смирнове-Кутаческом [Смирнов-Кутаческий 2008]. В 1917 г. им был подготовлен сборник сказок из Архива РГО [Сборник великорусских сказок Архива РГО 1917]. Восемь приведенных в сборнике текстов, относящихся к сказкам Ярославской губернии, были записаны в 1853 и 1889 гг. в Пошехонском уезде. Все тексты являются сказками, и сомнений в их аутентичности (насколько она была возможна в данное время) нет.

Представленные в этой подборке тексты довольно интересны. Во-первых, здесь есть сказки о животных (№ 170, 171), во-вторых, почти отсутствуют собственно волшебные сказки, что редко для публикаций того времени. Можно предположить, что А. М. Смирнов, анализируя имеющиеся в его распоряжении материалы, увидел определенную репертуарную специфику Пошехонья.

Две сказки о животных представляют собой сюжеты, довольно популярные в русской традиции. Это сказки сюжетных типов СУС 122А* «Волк-дурень» (№ 170) и СУС 163 «Пение волка» (№ 171). Сюжеты широко распространены в русской традиции, однако в текстах из сборника Смирнова есть необычные элементы. Так, в сказке про волка-дурня в большинстве известных вариантов волк сам находит добычу, которая его обманывает. В тексте же из сборника Смирнова волк обращается за помощью к св. Егорию, который указывает, кого можно съесть. В данном случае представляет интерес образ святого, поскольку в народе образ Егория связан как с пастушьей традицией, где он выступает защитником стад, так и с волками — он считается волчьим пастухом, разрешающим диким зверям задрать ту или иную домашнюю скотину. Такая связь святого с волками нашла отражение в присло-

вье «Что у волка в пасти, то Егорий дал». Сказка обыгрывает покровительство Егория волкам, однако святой только указывает, кого можно съесть, но не оказывает помощи в дальнейшем. И жеребенок, и портной обманывают волка. Интересна и вторая сказка о пении волка. Своей песенкой волк выманивает у старика и старухи овец, жеребца, мальчика и девочку. В большинстве известных вариантов ситуация может развиваться двояко: старик отдает волку овечек, девочку, мальчика и старушку, а жеребец убивает волка или после того, как съедены все животные и волк угрожает людям, старик убивает его. В данном же случае старик теряет все хозяйство и детей, но сохраняет жизнь себе и старухе, просто заперев дверь.

В анализируемой подборке только две волшебные сказки. Одна представляет собой традиционный сюжетный тип СУС 715 «Петух и жерновцы» (№ 166). Сказка довольно традиционна, хотя концовка у нее неожиданна: «Не смели лакеи ослушаться барского приказа и давай рубить топорами по барину, чтоб достать петушка. Разрубили барина, а петушок выпрыгнул из него, схватил жерновка да и был таков» [Сборник великорусских сказок Архива РГО 1917, № 166]. Традиционно барина не убивают.

Вторая волшебная сказка чрезвычайно интересна. Она представляет собой контаминацию двух сюжетных типов — СУС 327В «Мальчик с пальчик и его братья у ведьмы» и СУС 700 «Мальчик с пальчиком». От сюжетного типа СУС 700 здесь осталось только появление ребенка из отрубленного пальца. В традиционной версии ребенок появляется у бездетных стариков, в рассматриваемом же тексте дети у мужика есть. Текст в значительной степени испытывает на себе литературное влияние, а именно влияние сказки Ш. Перро «Мальчик-с-пальчиком». Именно из литературного текста появляются Людоед, шапочки, по которым жена Людоеда узнает своих детей, камушки и хлеб, выступающие указателями пути, и сапоги-скороходы. Причем сказочник довольно сильно переосмыслил эти образы: у Ш. Перро

жена Людоеда — милая женщина, пытающаяся спасти детей, а в пошехонском тексте она «старуха старая-престарая, страшная, жена людоеда-великаны», которая сообщает мужу, что «славная дичи на привалила к нам <...> будет нам и на обед, и на ужин» [Там же, № 172]. Именно она убивает собственных детей, перепутав их с заблудившимися мальчиками. В отличие от текста французского писателя, в тексте пошехонского сказочника нет преследования Людоедом сбежавших мальчиков. Дети благополучно возвращаются домой.

Остальные тексты представляют собой новеллистические сказки и анекдоты довольно распространенных сюжетных типов: СУС 851 «Неразгаданные загадки», 1370В* «Жена не хочет прядь», 1544А* «Солдатская загадка»; еще об одной мы скажем чуть ниже. Сказки интересны деталями; так, герои «Неразгаданных загадок» (№ 169) едут счастье искать в необычном виде: «Оделись <...> в рогожи, взгромоздились обоя на клячу и поехали в незнамое государство себе счастья искать» [Там же, № 169]. В сказке о нерадивой бабе, которая не хотела прядь, интересен ответ мужика. Сымитировав свою смерть, он наблюдает за тем, как его ленивая жена сможет сделать ему саван. Женщина, за неимением холста, обмотала мнимого мертвеца нитками и стала причитать: «Голубчик мой, родненький, на кого-то ты теперь похож!» Традиционным ответом на ее действия является «оживание» мужа и битье жены плеткой. В данном случае мужает остроумный ответ: «На бесструнную балалайку» [Там же, № 168].

Уже на основе текстов из данного сборника можно говорить о некоторых особенностях пошехонской сказочной традиции. Она в значительной степени ориентирована на новеллистические сказки и анекдоты.

Надо отметить, что несколько дореволюционных сказок Ярославской земли были опубликованы в 1938 г. [Ярославский фольклор дооктябрьский 1938], но среди них нет текстов, записанных в Пошехонье.

После революции интерес к фольклору Ярославской области не ослаб.

В первой половине 1920-х гг. на территории Пошехонья работали участники Верхневолжской экспедиции, которая была организована сотрудниками Российской академии истории материальной культуры, этнографическим отделом Русского музея. Работая в Тверской и Ярославской губерниях, учёные привлекали и местных краеведов. К сожалению, значительная часть материалов этой экспедиции была утрачена, но некоторые материалы хранятся в Научном архиве ИИМК РАН, РЭМ и МАЭ РАН [Архив Института истории; Золотарев 1924].

Уже в 1920–1930-е гг. фольклор региона собирался преподавателями и студентами Ярославского педагогического института. Организаторами студенческих практик были А. М. Смирнов-Кутаческий и Н. И. Сутт. Работа велась спорадически, были обследованы не все районы области, и даже внутри районов исследования проводились выборочно. Одним из результатов этой работы стал известный сборник Николая Ивановича Сутта, вышедший незадолго до его ареста в 1940 г., — «Частишки Ярославской области в записях 1938–1939 г.» [Сутт 1940].

В 1954–1956 гг. Московским государственным университетом им. М. В. Ломоносова под руководством Э. В. Померанцевой были организованы фольклорные экспедиции в Ярославскую область. В 1955 г. участники экспедиции работали в деревнях и селах колхоза «Новая Кештoma». Именно здесь были записаны сказки от двух ярких сказочников — А. В. Антроповой из деревни Бабарино и А. И. Крицкого из деревни Гаютино [АКФ МГУ 1955, т. 234]. Некоторые тексты А. В. Антроповой (№ 1, 2, 7, 14, 21 и 22) и А. И. Крицкого (8, 9, 12, 16, 17 и 23) были позже опубликованы в книге «Песни и сказки Ярославской области» [Минц, Померанцева 1958, 19–107]. Оба пошехонских исполнителя, бесспорно, являются сказочниками-профессионалами.

Среди сказок А. В. Антроповой есть сказки разных видов. Некоторые из них

ориентированы на детскую аудиторию. Прежде всего это присказки, близкие как сказкам о животных, так и к небылицам. Интересна похожая на раешный стих присказка-небылица «Ступа да лопата — коровушка горбата» [Там же, № 2], в которой сплетается множество различных персонажей: зайчик в сафьяновых сапожках, петух в сарафане, уточка в юбке, селезень в обутке и т. д. Еще об одной сказке, адресованной детям (№ 7), мы скажем ниже. Однако помимо репертуара, расчетанного на детей, у сказочницы были сказки, ориентированные на взрослых. В основном это новеллистические сказки и анекдоты. Весьма интересна сказка о двух семейных парах — контаминация нескольких сюжетных типов. Ее первая часть представляет собой анекдот сюжетного типа СУС 1415 «Мена», в котором хозяин, отправляясь на базар продавать корову, обменивает ее на других животных, а последнего из обменянных — петуха — меняет на хлеб, который съедает. Его сосед предполагает, что жена не одобрит такого обмена, но ошибается и проигрывает большие деньги. Вторая часть представляет собой сказку о глупом муже, который не смог справиться с домашней работой, в то время как его жена прекрасно справилась с мужской (СУС 1408 «Муж делает работу жены»). В этот текст органично включен анекдот о том, как пошехонцы тянут корову на крышу (СУС 1210 «Тащат корову на крышу пастьись»). Сказку отличает динамичность повествования, свидетельствующая о мастерстве сказочницы. Другие сказки А. В. Антроповой (№ 14, 22) относятся к сказкам о ловких и хитрых людях.

Сказки А. И. Крицкого были записаны Ю. И. Смирновым. Он, с присущей ему скрупулезностью, зафиксировал репертуар сказочника. К сожалению, весь репертуар Алексея Ивановича записан не был, но и из записанных 25 сказок опубликована лишь незначительная часть. Судя по списку, основной частью репертуара Крицкого были так называемые солдатские сказки и анекдоты, в которых действуют обычные люди, отличающи-

ся умом и сообразительностью. Есть в его репертуаре и волшебные сказки, которые он, будучи сказочником-импровизатором, наполняет новыми образами и мотивами. На творчество Алексея Ивановича большое влияние оказали книги, среди его сказок есть «Золотая рыбка» и «Аленький цветочек», в том числе сказки его собственного сочинения (подробнее о репертуаре А. И. Крицкого см.: [Минц, Померанцева 1958, 99–102; Емельянов 2004, 62–66]).

К сожалению, полностью сказки А. В. Антроповой и А. И. Крицкого не опубликованы, но по описанию репертуара можно с уверенностью сказать, что внимание сказочников тяготеет к волшебным и новеллистическим сказкам, а также анекдотам. У А. В. Антроповой в репертуаре были и детские сказки.

В 1967 г. в деревнях Жуково и Кузьминское в рамках деятельности Фольклорной комиссии Союза композиторов РФ работала К. М. Бромлей. Материалы данной экспедиции хранятся в Фонограммархиве Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (ФА ИРЛИ РАН, фонд ОКМФ. Ф. 185–188). В 1984 г. в Аганине, Фёдоровском и Поповке работала экспедиция Российской академии музыки им. Гнесиных. Материалы, собранные И. В. Федоренко и М. Кочетовой, хранятся в фольклорном архиве академии (Архив РАМ им. Гнесиных, ф. П2508-П2509). И та и другая экспедиции записывали в основном музыкально-песенную традицию региона, и в известных материалах сказки не отмечены.

С 1980-х гг. студентами-филологами Ярославского педагогического университета им. Д. К. Ушинского проводятся студенческие фольклорные практики, в результате которых обследованы многие районы области. К сожалению, на данный момент мы не располагаем сведениями о жанровом составе материалов данных экспедиций. Сведения, что там есть сказки Пошехонского района, содержатся только в статье Е. А. Астаховой [Астахова 1999, 2–4]. Исследовательница отмечает, что уже с середины XX в. приходится го-

ворить о затухании сказочной традиции региона и о том, что на территории Пошехонья фиксируются в основном социально-бытовые сказки и анекдоты.

В 1998 г. в Пошехонском районе работала совместная экспедиция Института антропологии и этнографии РАН и Государственного республиканского центра русского фольклора. Участники экспедиции (И. А. Морозов, И. С. Кызласова, В. Е. Добровольская) работали в г. Пошехонье, с. Владычное, деревнях Клин, Ларионово, Ламанцево, Маслово. К сожалению, собственно сказок записано не было, хотя многие информанты упоминали, что в детстве они слышали от своих старших родственников сказки. В экспедиции были зафиксированы лишь отдельные анекдоты о пошехонцах. Материалы этой экспедиции находятся в настоящее время в фольклорном архиве Государственного Российского Дома народного творчества имени В. Д. Поленова [Архив ЦРФ (ГРДНТ), 844–856, 1037–1084, 1255–1429, 23701–23990, 31972–32038, 37945–38820].

В 90-х годах XX в. и в начале XXI в. в Пошехонском районе работала Е. А. Самоделова. Именно ею записан основной корпус сказок рубежа веков.

Известны и отдельные записи пошехонских сказок. Так, в 2008 г. Л. А. Бородулиной было записано две сказки от Зинаиды Константиновны Суворовой, 1937 г. р., из д. Оборино⁴. Оби сказки представляют собой очень редкие для русской традиции сюжеты.

Первая — текст о таинственной Пыхтере, которая является людоедкой и пожирает попавшихся ей людей: «Жил-были дед да баба, была у них внучка. Бабке захотелось репы, и она попросила внучку слазить в подвал. Внучка открывает западню, а там сидит Пыхтеря и говорит:

— Пых, пых, не внучка ли идёт, не за репкой ли идёт? Не съесть ли мне её, не схамнуть ли её? Хам!

И проглотила!

Бабка ждать-пождать внучку, нет внучки! Послала деда. Дед открывает западню, а там Пыхтеря:

— Пых-пых! Не дедко ли идёт, не за репой ли идёт? Не за внучкой ли идёт? Не схамнуть ли мне его? Хам!

И проглотила дедку!

Бабка ждать-пождать, нету дедка! Сами пошла. Открывает западню, а там Пыхтеря:

— Пых-пых! Не бабка ли идёт, не за дедком ли идёт? Не за внучкой ли идёт? Не за репой ли идёт? Не схамнуть ли мне её? Хам!

И проглотила бабку.

И лопнуло брюхо-то у её. И вышли оттуда бабка, дедко и внучка, набрали репы и стали жить-поживать, добро наживать, про Пыхтерю вспоминать».

Сказка традиционно относится к бюджетному типу СУС 2028 «Глиняный Иванушка (Пыхтелка)». Но данный вариант отличается рядом интересных деталей. Пыхтеря сидит в подполе и сторожит репу. Она пожирает тех, кто спускается в подпол. Обычно пожирателем выступает вылепленный из глины (реже — вытесанный из дерева) мальчик, который проглатывает сначала своих родителей, а затем и односельчан. Так, в сказке, записанной в 1889 г. в Пошехонском уезде и опубликованной в сборнике А. М. Смирнова, старики слепили глиняного Иванушку, который съел «мужиков с косами, баб с граблями, Катьку с ведрами, дедушку с топориком, бабушку с копылком, клубочек да веретенце...» [Сборник великорусских сказок Архива РГО 1917, № 167]. Это ненасытное существо пострадало от козла, который предложил герою прыгнуть ему в рот с горы: «Раскрыл Иванушка рот и стал под гору, а козел разбежался с горы да и ударил Иванушку рогами прямо в брюха: рассыпался Иванушка в мелкие кусочки, а из брюха у него вышли мужики

⁴ Любовь Анатольевна Бородулина — ведущий специалист отдела по делам культуры, молодежи, спорта и туризма администрации Пошехонского муниципального района, дочь З. К. Суворовой. Она записала сказки от мамы, З. К. Суворовой, и от отца, А. К. Суворова. В книге Е. А. Самоделовой представлены записи сказок З. К. Суворовой в пересказе Л. А. Бородулиной.

с косами, бабы с граблями, Катька с ведрами, дедушка с топориком и бабушка с копылком — вышли все живы-живехоньки». Текст из сборника Смирнова существенно ближе к сюжетной схеме данного сказочного типа, чем вариант Зинаиды Константиновны Суворовой, однако и в ее сказке сюжетный тип опознаваем.

Этот сюжет есть и в репертуаре А. В. Антроповой. В ее сказке Ваня Глинняный «клубочек съел, веретенце съел, бабушку с копылочком, дедушку с топорочком, мужиков с косами, бабу с граблями, пареньков с грибками, девочечка с ягодками» [Минц, Померанцева 1958, № 7]. Победил его баран, распоров ему брюхо рогами.

В другой группе текстов действует персонаж, охраняющий репу, точно так же, как в сказке З. К. Суворовой. Так, в сказке, записанной М. С. Баршевой и опубликованной в 1924 г. [Баршева 1924], действует опасная Пыхтелка, о которой старик со старухой предупреждают внучку Машеньку и внука Ванюшку: «В погреб за репой не ходите, а не то вас Пыхтелка съест» [Баршева 1924, 4]. В этом варианте Пыхтелка поет песенку, съедает детей, старика и старуху, но, съев старуху, как и в варианте Суворовой, лопнула.

Еще несколько вариантов сказки про Пыхтелку приведены в сборнике Е. А. Сamodelовой. В одном из них Пыхтелка поет свою песенку:

Пых-пых-пых!
Не Лена ли идёт,
Не за репкой ли идёт?
Не съесть ли мне её,
Не схамкать ли её?
Хам!

С этой песенкой она проглатывает мальчика, бабушку и дедушку. Затем сказочница отмечает: «Проглотила — такая стала толстая — и лопнула» [Сказки Центральной России 2013, № 204].

Действует Пыхтеря еще в нескольких вариантах. Она также поет песенку и съедает всех, спускающихся в подвал за репой [Там же, № 206, 207]. Пыхтелка или Пыхтеря характерна для сказок Русского

Севера. Однако в зону распространения этого персонажа входит, судя по материалам, и Пошехонье.

Вторая сказка, записанная от З. К. Суворовой, представляет собой контаминацию нескольких сюжетов. Первая ее часть относится к редкому сюжету СУС 333 «Людоедка», а вторая — СУС 314А* «Бычок-спаситель»: «Жили-были дед да баба, была у них внучка. Один раз внучка пошла в лес, да и заблудилась. Видит, избушка стоит на курьих ножках. “Избушка-избушка, повернись ко мне передком, а к лесу задком”, — говорит. Избушка повернулась, и девочка зашла. Заходит, никого нет. Заглянула под кровать, а там лежат головы человечьи. Заглянула в печку, а там на противне титьки лежат. Заглянула на печку, Баба Яга сидит прядёт и сопли до полу распустила. Девочка спрашивает: “Бабушка, бабушка! Что у тебя за головы лежат под кроватью-то?” — “Это, матушка моя, брюкva!” — “Бабушка, бабушка! А чего у тебя в печке титьки?” — “А это, матушка моя, пироги!”

Баушка слезла с печки, и сели за стол. Она стала угождать девочку. Подала ей сырое мясо. Баушка-то ест да прихваливает, а девочка за окошко кидает собаке.

Потом Баба Яга пошла точить ножи, а ее заставила нитки прядь. Пока баушка точила ножи, девочка выскочила в окно, и тут бежит бык. Бык спрашивает: “Девочка, девочка, о чём ты плачешь?” А девочка-то плакала! Она плачет и отвечает: “Как мне не плакать, Баба Яга меня хочет зарезать!”

Бык говорит: “Садись на меня и держись за рога!” И девочка села на быка, и они помчались домой. Баба Яга зашла, а девочки-то нет! Увидела, что бык бежит с ней там, что она на быке, и побежала баушка догонять. И только она хотела схватить девочку, а бык-то как дриснёт! Баба Яга пока глаза росцарапывала да умывалась, они убежали. Бык прибегает к дому к бабке, к дедку. Они очень обрадовались, быка накормили, напоили и на волю отпустили» [Там же, № 204].

Мотив каннибализма известен в русских сказках. Иногда люди спасаются от

некоего существа, которое их съедает или пытается съесть, как, например, в сказках о глиняном мальчике или Пыхтере. Однако в русском репертуаре встречаются, хотя и редко, сюжеты о некоем мифологическом существе — Бабе Яге, Каленых зубах, Хаме или Хамке, Дедушке Фоме и т. п., в которых мотив каннибализма становится основным. Это сюжеты СУС 333 «Людоедка» и СУС 480В* «Мачеха и падчерица». Подробнее об этом типе сказок см.: [Добровольская 2022, 52–60; 2023, 94–105]. Спасти героя сказки может только в том случае, если соблюдает определенные поведенческие и этикетные нормы: не задает вопросов о происходящем в доме и не употребляет в пищу человечину. З. К. Суворова особенно выделяет этот момент: девочка не ест сырого мяса, а выкидывает его собаке. Именно этим она обеспечивает себе спасение. Присоединение к этому тексту другого сюжета связано, скорее всего, с ориентацией на детскую аудиторию. Спасти от Яги можно только с помощью чудесного помощника, и спасение это необычно: оно вызывает улыбку и снимает напряжение, связанное со страшным рассказом.

Состояние сказочной традиции в конце XX — начале XXI в. наиболее ярко можно проследить по материалам из сборника Е. А. Самоделовой. Среди записанных ею в Пошехонье текстов нет присказок. Этот вид сказок быстрее всего уходит из сказочного репертуара. Сказки о животных, зафиксированные Еленой Александровной, хорошо известны в большинстве русскоязычных регионов и представляют собой в большей или меньшей степени тексты, испытавшие на себе влияние детских книжек-сказок, а также радиопостановок и мультфильмов. Волшебные сказки представлены в основном сюжетными типами, относящимися к ядру сказочных сюжетов. Разнообразны представленные в сборнике новеллистические сказки и анекдоты. Они свидетельствуют о богатстве и разнообразии именно этого вида сказок. Однако столь популярные в литературной традиции анекдоты о пошехонцах к концу XX в. исчезли из устного бы-

тования и сохранились по преимуществу в книжной традиции [Березайский 1992, 176–177; Смирнов 1999].

Бесспорным достоинством сборника Е. А. Самоделовой нужно считать раздел «Устные импровизированные авторские сказки». Создание подобных сказок, судя по всему, было распространено в Пошехонье, достаточно вспомнить подобные сказки А. И. Крицкого. В этих сказках сохраняются традиционные для региона фольклорные мотивы, но появляются и индивидуальные сюжеты и образы.

Нельзя не отметить, что фольклорный материал Пошехонья повлиял и на литературную сказку. Авторские тексты местных писателей активно воздействовали и действуют в настоящее время фольклорные мотивы и образы местной традиции.

Таким образом, имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют говорить о специфике сказочной традиции региона.

В Пошехонском kraе были сказочники-мастера, и в ряде случаев их творческое наследие сохранилось. Остается только сожалеть, что до настоящего времени не опубликовано полностью творческое наследие А. В. Антроповой и А. И. Крицкого. Сейчас интерес к личности фольклорного исполнителя необычайно высок. В ряде регионов вокруг жизни и творчества певцов, сказителей, плакальщиц создаются различные культурные проекты. Не остались в стороне и сказочники. Так, в Пермском kraе создан туристический маршрут на родину выдающейся сказочницы Е. Н. Трясциной. Местные работники культуры создали музей сказочницы, проводят фестиваль сказок, совместно с учеными издали книгу сказок [Сказки Евдокии Никитичны Трясциной 2020], поставили памятник, который стал культурным центром поселка [Добровольская, Чернышева 2023, 11–21].

В пошехонской сказочной традиции в наши дни преобладают новеллистические сказки и анекдоты преимущественно широко распространенных сюжетных типов. В то же время нельзя не отметить

наличие редких для всей русской традиции сюжетов, к тому же популярности у исполнителей авторской импровизации в рамках сказочного канона и обилия

Источники и материалы

Архив Института истории — Архив Института истории материальной культуры. Ф. 2. Оп. 1. Д. 11. 1920–1921 гг. Л. 29об. (Золотарев

Д. А. Отчет по разряду этнографии на время IX.1919–I.1921 г.).

Архив ЦРФ (ГРДНТ) — Архив Государственного республиканского центра русского фольклора (в настоящее время — Архив Государственного Российского Дома народного творчества им. В. Д. Поленова).

Балов 1892 — Б-ъ А. [Балов А. В.] Святая гора: Народная легенда, записанная в Пошехонском уезде // Ярославские губернские ведомости. 1892. № 27. С. 1.

Балов 1893 — Балов А. В. Тексты христианских легенд, записанных в Пошехонском уезде Ярославской губернии // Живая старина. 1893. Вып. 3. С. 428–431.

Балов 1809 — Балов А. В. Масленица в Пошехонском уезде д. Кладово Давыдовской волости // Этнографическое обозрение. 1909. № 1. С. 63–73.

Баршева 1924 — Пыхтелка: Сказка / Зап. М. Баршевой. М.: И. Кнебель, 1924.

Березайский 1992 — Березайский В. С. Анекдоты древних пошехонцев // Русь. 1992. № 3. С. 197–206; 1992. № 4. С. 176–177.

Золотарев 1924 — Золотарев Д. А. Работа этнографической экспедиции в Тверской и Рыбинской губерниях // Известия Российской академии истории материальной культуры. СПб.: Гос. изд-во, 1924. Т. 3. С. 1–23.

Минц, Померанцева 1958 — Песни и сказки Ярославской области: Сборник / Вступ. ст. С. Минц, Э. Померанцевой. Ярославль: Кн. изд-во, 1958.

Русские крестьяне 2006 — Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: Матер. «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 2: Ярославская губерния. Ч. 1: Пошехонский уезд / Авт.-сост. В. Г. Холодная, И. И. Шантгина; Ввод. ст. И. И. Шантгина. СПб.: Навигатор, 2006.

Сборник великорусских сказок Архива РГО 1917 — Сборник великорусских сказок Архива Русского географического общества: [В 2 вып.] / Изд. А. М. Смирнов. Пг.: Тип. Рос. акад. наук, 1917. 2 т. (Записки императорского Русского географического общества по отделению этнографии; Т. 44).

авторов, работающих в жанре литературной сказки, основой которой служат традиционные фольклорные сюжеты и образы.

Сказки Евдокии Никитичны Трясциной 2020 — Сказки Евдокии Никитичны Трясциной / Под общ. ред. А. В. Черных. СПб.: Изд-во Маматов, 2020.

Сказки Пошехонского уезда 1868 — Сказки Пошехонского уезда. Собрание С. Я. Дерунова // Труды Ярославского губернского статистического комитета / Под ред. А. Фогель. Вып. 5. Ярославль: В губ. типогр., 1868. С. 135–156.

Сказки Центральной России 2013 — Сказки Центральной России в конце XX — начале XXI веков, в записях Е. А. Самоделовой и друзей-фольклористов: Тексты. Т. 1. Рязань: [б. и.], 2013.

Смирнов 1999 — Смирнов Ю. И. Анекдоты и пошехонцы // Русская народная культура и ее этнические истоки. М.: Совр. писатель, 1999. С. 52–59.

Частушки Ярославской области в записях 1938–1939 гг. / Сост. Н. И. Сутт. Ярославль: Яросл. обл. изд., 1940.

Ярославский фольклор, дооктябрьский 1938 — Ярославский фольклор, дооктябрьский / Сост. Б. Н. Быстров и Н. Е. Новиков; Под ред. В. Ю. Крупянской и В. М. Сидельникова. Ярославль: Обл. изд-во, 1938.

Исследования

Астафьев, Астафьева 1974 — Астафьев А. В., Астафьева Н. А. С. Я. Дерунов // Писатели Ярославского края. Ярославль: Верхне-Волж. кн. изд-во, 1974. С. 150–158.

Астахова 1999 — Астахова Е. А. Современная жизнь традиционного фольклора Ярославской области // Живая старина. 1999. № 4. С. 2–4.

Добровольская 2022 — Добровольская В. Е. Страшные сказки о любопытных девушках: редкие сюжетные типы русской сказочной традиции // Язык. Человек. Культура: Сб. науч. тр., посв. юбилею Марии Львовны Ковшовой / Отв. ред. О. С. Орлова. М.: Канцлер, 2022. С. 52–60.

Добровольская 2023 — Добровольская В. Е. «Страшные» сказки в русской фольклорной традиции: к вопросу об атрибуции редких сюжетных типов // Культура и текст. 2023. № 4. С. 94–105.

Добровольская, Чернышева 2023 — Добровольская В. Е., Чернышева Ю. С. Русское ска-

зочное наследие как объект нематериального этнокультурного достояния: проблемы актуализации и использования в деятельности учреждений культуры // Традиционная культура. 2023. № 4. С. 11–21.

Емельянов 2004 — Емельянов Л. К. Пошехонский сказочник А. И. Крицков // Пошехонье в русской культуре: Матер. Баловских чтений 2003 года. [б. м.: б. и., 2004?]. С. 62–66.

Киселев 2007 — Киселев А. В. Пошехонская сказка «Марьушка Чудная» (вторая половина XIX в.): опыт интерпретации сюжета // История и культура Ростовской земли: Матер. XII науч. конф. / Ред. совет А. Е. Виденеева, В. В. Зякин. Ростов: Гос. музей-заповедник «Ростовский кремль», 2007. С. 262–270.

Комелина 2016 — Комелина Н. Г. Балов Алексей Васильевич // Русские фольклористы: Биобиблиогр. словарь. XVIII–XIX вв.: В 5 т. Т. 1: А — Г / [Под ред. Т. Г. Ивановой]. СПб.: Дмитрий Буланин, 2016. С. 220–229.

Комелина 2017 — Комелина Н. Г. Дерунов Савва Яковлевич // Русские фольклористы: Биобиблиогр. словарь. XVIII–XIX вв.: В 5 т. Т. 2: Д — Кошурников / [Под ред. Т. Г. Ивановой]. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. С. 55–59.

Смирнов-Кутаческий 2008 — А. М. Смирнов-Кутаческий: личность и научное наследие: Матер. и иссл. / Ред.-сост. М. В. Строганов. Тверь: Марина, 2008.

© В. Е. Добровольская, 2025

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Добровольская В. Е. <http://orcid.org/0000-0002-2346-7493>

Кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и славянского искусствознания Института славянской культуры Российского государственного университета им. А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство): Российская Федерация, 139337, г. Москва, Хибинский пр-д, д. 6; тел.: +7 (495) 811-01-01; e-mail: dobrovolska@inbox.ru

Features of the Fairy Tale Tradition of the Poshekhol'sky Region (Based on Nineteenth to Twenty-First Century Materials)

Varvara E. Dobrovolskaya

(Kosygin Russian State University (Technologies. Design. Art):
6, Khibinsky pass., Moscow, 139337, Russian Federation)

Summary. This article examines the fairy tale tradition of the Poshekhol'sky district of the Yaroslavl region. The materials of this one local tradition, recorded from the second half of the nineteenth to the beginning of the twenty-first century, show that during this period the plot composition of fairy tales changed. While throughout most of the twentieth century, collectors monitored primarily magical tales and anecdotes about Poshekhol'stsy, today novelistic tales and anecdotes predominate, most of widespread plot types. At the same time, it is impossible not to note the presence of plots that are rare for the larger Russian tradition, and that improvisation within the framework of the fairy tale canon is popular among performers.

Key words: a fairy tale, local traditions, fairy tale plots, professional storytellers, fairy tale canon.

Received: June 9, 2025.

Date of publications: September 25, 2025.

For citation: Dobrovolskaya V. E. Features of the Fairytale Tradition of the Poshekhol'sky Region (Based on Nineteenth to Twenty-First Century Materials). *Traditional Culture*. 2025. Vol. 26. No. 3. Pp. 38–50. In Russian.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2025.26.3.006>

References

- Astaf'ev A. V., Astaf'eva N. A.** (1974) S. Ya. Derunov [S. Ya. Derunov]. In: Pisateli Yaroslavskogo kraya [Writers of the Yaroslavl Region]. Yaroslavl': Verkhne-Volzhskoe kn. izd-vo. Pp. 150–158. In Russian.
- Astahova E. A.** (1999) Sovremennaya zhizn' traditsionnogo fol'klora Yaroslavskoi oblasti [The Modern Life of the Traditional Folklore of the Yaroslavl Region]. *Zhivaya starina* [Zhivaya Starina]. 1999. No. 4. Pp. 2–4. In Russian.
- Dobrovolskaya V. E.** (2022) Strashnye skazki o lyubopytnykh devushkakh: redkie syuzhetnye tipy russkoi skazochnoi traditsii [Scary Tales About Curious Girls: Rare Plot Types of the Russian Fairy Tale Tradition]. In: Yazyk. Chelovek. Kul'tura. Sbornik nauchnykh trudov, posvyashchennyi yubileyu Marii L'vovny Kovshovoii [Language. Human Beings. Culture. A Collection of Scholarly Papers Dedicated to the Anniversary of Maria L'vovna Kovshova]. Ed. by O. S. Orlova. Moscow: Kantsler. Pp. 52–60. In Russian.
- Dobrovolskaya V. E.** (2023) «Strashnye skazki v russkoi fol'klornoi traditsii: k voprosu ob atributsii redkikh syuzhetnykh tipov» [“Scary” Fairy Tales in the Russian Folklore Tradition: On the Issue of the Attribution of Rare Plot Types]. *Kul'tura i tekst* [Culture and Text]. 2023. No. 4. Pp. 94–105. In Russian.
- Dobrovolskaya V. E., Chernysheva Yu. S.** (2023) Russkoe skazochnoe nasledie kak ob'ekt nematerial'nogo ehtnokul'turnogo dostoyaniya: problemy aktualizatsii i ispol'zovaniya v deyatel'nosti uchrezhdenii kul'tury [The Russian Fairy-Tale as an Object of Intangible Ethnocultural Heritage: Problems of Their Use in the Cultural Institutions]. *Traditsionnaya kul'tura* [Traditional Culture]. 2023. No. 4. Pp. 11–21. In Russian.
- Emel'yanov L. K.** (2004) Poshekhnorskii skazochnik A. I. Kritskov [The Poshekhnovsky Storyteller A. I. Kritskov]. In: Poshekhonev russkoi kul'ture: materialy Balovskikh chtenii 2003 goda [Poshekhonev in Russian Culture: Materials of the Balov Readings of 2003]. Pp. 62–66. In Russian.
- Kiselev A. V.** (2007) Poshekhnorskaya skazka «Mar'yushka Chudnaya» (vtoraya polovina XIX v.): opyt interpretatsii syuzhetu [The Poshekhnovsky Fairy Tale “Maryushka the Wonderful” (Second Half of the Nineteenth Century): An Interpretation of the Plot]. In: Iстория и культура Ростовской земли. Mater. XII nauch. konf. [History and Culture of the Rostov Land. Materials of the XII Scholarly Conference]. Ed. by A. E. Videneeva, V. V. Zyakin. Rostov: Gos. muzei-zapovednik «Rostovskii kreml». Pp. 262–270. In Russian.
- Komelina N. G.** (2017) Derunov Savva Yakovlevich [Derunov Savva Yakovlevich]. In: Russkie fol'kloristy: Biobibliograficheskii slovar'. XVIII–XIX vv. [Russian Folklorists: A Bio-bibliographic Dictionary. Eighteenth-Nineteenth Centuries]. Ed. by T. G. Ivanova. In 5 vol. Vol. 2: D — Koshurnikov. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin. Pp. 55–59. In Russian.
- Komelina N. G.** (2016) Balov Aleksei Vasil'evich [Balov Aleksei Vasil'evich]. In: Russkie fol'kloristy: Biobibliograficheskii slovar'. XVIII–XIX vv. [Russian Folklorists: A Bio-bibliographic Dictionary. Eighteenth-Nineteenth Centuries]: Ed. by T. G. Ivanova. In 5 vols. Vol. 1: A — G. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin. Pp. 220–229. In Russian.
- Stroganov M. V. (ed.)** (2008) A. M. Smirnov-Kutacheskii: lichnost' i nauchnoe nasledie. [A. M. Smirnov-Kutachesky: Personality and Scholarly Heritage]: Materials and Research. Tver': Marina. In Russian.

© V. E. Dobrovolskaya, 2025

ABOUT THE AUTHOR

Varvara E. Dobrovolskaya <https://orcid.org/0000-0002-2346-7493>

E-mail: dobrovolska@inbox.ru

Tel.: +7 (495) 811-01-01

6, Khibinsky pass., Moscow, 139337, Russian Federation

PhD in Philology, Associate Professor, Department of General and Slavic Art Studies, the Institute of Slavic Culture, Kosygin Russian State University (Technologies. Design. Art)

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY4.0)